

Поленов Василий
Дмитриевич

1.12.99г

Новые Известия. 1999. — 1 дек. — с. 6.

В семье Поленовых праздник

Татьяна Мельникова, для «Новых Известий»

При жизни художник не давал усадьбе своего имени. Тогда она называлась Борок.

Семидесятилетний Федор Дмитриевич Поленов, хозяин и главный хранитель известного историко-художественного и природного музея-заповедника, награжден почетным орденом «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени. Награда будет вручаться 7 декабря 1999 года в Министерстве культуры.

А на днях золотого знака «Общественное признание» удостоена Наталья Николаевна Грамолина, директор музея «Поленово», жена Федора Дмитриевича.

Вместе они не только отстояли и сохранили уникальный памятник русской культуры, основанный в конце прошлого столетия выдающимся художником-просветителем Василием Дмитриевичем Поленовым в окрестностях Тарусы, над Окой, но и возвели его в статус государственного мемориального заповедника, одного из самых перспективных в России. И это просто невероятно в наш «веколлода», «щедрый» на войны и революции, погромы и репрессии...

— Федор Дмитриевич, чтобы продолжить дело деда, вы пожертвовали перспективной карьерой морского офицера. Поленовский род всегда славился не только художниками и учеными, но еще и доблестными военными моряками, талантливыми и бесстрашными. И вы наверняка стали бы адмиралом... Но, видимо, вас вела судьба?

— Судьба вела не только меня. Мой отец Дмитрий Васильевич Поленов, очень скромный человек, всю свою нелегкую трагическую жизнь отдал музею. А ведь профессора Московского университета, который он закончил перед первой мировой войной, пророчили ему блестящую карьеру ученого-биолога. И сокращались, что он совершил несправимую оплошность, когда добровольцем ушел на фронт (хотя из-за близорукости и как единственный в семье сын призвал в армию не подлежал), а потом посвятил жизнь музею. Но время показало, что это было единственно правильным решением, благодаря которому Поленово живо до сих пор. Кстати, оно стало так называться уже после смерти деда — он был бы недоволен, если б узнал, что старое название усадьбы — Борок — изменено в его честь, Василий Дмитриевич всегда старался свою фигуру нигде не выпячивать...

Уже в преклонном возрасте дед просил отца, чтобы музей не попал в чужие руки. И отец, как трудно ему ни пришлось потом, выполнил его просьбу и сдержал данное им слово. Оба, как показало время, смотрели далеко вперед. Потому что как только в Поленове начинали хозяйничать посторонние, их неизбежными «спутниками» были беспорядок, грабеж и полное равнодушие...

С 1920 года отец был официально на-

значен директором дома-музея, существовавшего на общественных началах — без статуса, штата и бюджета, — все держалось только на энтузиазме двоих сотрудников, моих родителей.

— Расскажите, пожалуйста, о вашей маме.

— Матушка моя Анна Павловна была медицинской сестрой. В годы первой мировой войны служила в госпиталях, потом в Красной Армии. Когда она переехала из Закавказья в Москву, ее рекомендовали в качестве патронажной сестры к уже тяжело больному деду. Вот так она оказалась в Поленове и вышла замуж за отца. И сыграла огромную роль в сохранении музея, вместе с отцом защищала его от лавины всяческих нападков и посягательств.

Но в 37-м году мои родители были репрессированы... И музей должен был быть ликвидирован в 10-дневный срок. Причем часть богатейшей коллекции живописи — Репин, Левитан, Коровин, Маковский, Васнецов и сам Поленов — должна была перейти в Третьяковку и тульский областной художественный музей, который тогда и помещения своего еще не имел. Да, к великому счастью, эвакуации картин помешала внезапно наступившая необычайно снежная зима — все дороги занесло!

— Природа вступилась!

— Да. Бог помог. И в течение этих де-

сяти трагических дней семья Поленовых в лице моих четырех теток, сестер отца, вместо того чтобы спрятаться поглубже, забиться в щель, начала тяжелую упорнейшую битву за сохранение музея, перешедшую в многолетнюю борьбу. Наша семья вообще в самое трудное время всегда шла, так сказать, с открытым забралом.

И, как ни странно — и это одно из чудес XX века, — в этой борьбе им удалось одержать победу. Хотя они понимали, что им грозит. На моей памяти Ольга Васильевна, одна из моих теток, у которой я, осиротевший ребенок, жил в ту страшную зиму в Москве на Тверском бульваре, каждую ночь вскакивала, как только где-то рядом останавливалась машина...

— Как же все-таки ваша семья преодолела колоссальные трудности того рокового времени? А в Поленове кто-нибудь тогда жил?

— Там оставалась и вела совершенно нищенский образ жизни моя бабушка Александра Николаевна, мать мамы. И благодаря ее присутствию сохранился домишко-флигель с тем оставшимся имуществом, которое не успели полностью разворовать при обыске и аресте родителей. Сохранилась и наша библиотека — все это заслуга моей бабки несчастной...

И был найден один человек — Федор Осипович Подтыныков, известный в мире коллекционеров живописи, очень колоритная личность. Он был юристом от Бога и посоветовал моим отчаявшимся теткам обратиться в секретариат Молотова с просьбой, чтобы государство приняло в дар то, что семье досталось по наследству на основании охранный грамоты, выданной еще в 18-м году по инициативе Луначарского. И помог составить дарственную.

С превеликим трудом семье удалось передать музей в дар государству. Оно все время отказывалось, обвиняло нас, что мы-де хотим его обмануть, что-то выдвигая или утаивая для своих корыстных целей. Словом, грязь всякая лилась, как-то только могла литься на членов семьи врагов народа... Но еле-еле в 39-м году наш дар был принят и подписан двусторонний акт, после чего, наконец, можно было ставить вопрос о музее как государственном учреждении.

Причем парадокс состоял в том, что в дар были приняты только коллекции, а дом, флигель, мастерская-аббатство, адмиралтейство и все надворные постройки — весь архитектурно-мемориальный комплекс был в пожизненном пользовании семьи. И когда в 60-м я вернулся с флота домой, я воспринимался как последний и единственный на Руси помещик... Хотя собственности не имел никакой. И жилья не имел: жил в мемориальном флигеле...

— Но коллекция живописи, собранная вашей семьей, просто уникальная. Беспенная... С каких времен началось коллекционирование?

— Первое произведение искусства, с которого еще в XVIII веке зародилось коллекционирование, — это картина Франкена Франка «Воздвижение Креста Господня царицей Еленой», начало XVIII века, Голландия. И приобретена она была Алексеем Яковлевичем Поленовым, первым русским юристом-законодатель с высшим образованием, полученным в Германии с благословения Ломоносова. К слову сказать, Алексей Яковлевич впервые в России резко осудил крепостное право и даже получил золотую медаль от «Вольного экономического общества» за лучший труд об освобождении крестьян. Но это сочинение было опубликовано... лишь 100 лет спустя, когда крепостное право было отменено... У нас хранится и бюро, за которым работал Алексей Яковлевич.

— Не менее знаменит и сын Алексей Яковлевича?

— Василий Алексеевич Поленов, дед моего деда, действительный член Российской Академии наук, — общий предок Поленовых окских и Поленовых петербургских, морской линии рода. По образованию юрист-законодатель, как и большинство представителей нашего рода, включая и основателя музея. Участник войны 1812 года, один из основателей архивного дела на государственной основе — к его помощи прибегал Пушкин, работая над «Историей пугачевского бунта». И главное его качество, переданное по наследству, — страсть к коллекционированию. Все коллекции собраны благодаря этой наклонности его потомков.

— И такую семью подвергли мучениям, страданиям и испытаниям!.. Так с 39-го года музей стал государственным?

— Музей был взят на баланс тульского областного управления культуры, и была установлена входная плата.

— А до этого все бесплатно было?

— Абсолютно все! Все на горбу моих отца и матери. И экскурсии шли бесплатные, начиная с 1903 года. Тогда первую уже документально оформленную экскурсию дед провел для учащихся Серпуховского ремесленного училища.

— Как же они жили?

— Так и жили, Господи Боже мой... Корова была своя. Потом в образовавшемся рядом доме отдыха Большого театра, тоже названном «Поленово», отец работал счетоводом. На моей памяти здесь бывали Собинов, Прокофьев, Немирович-Данченко, Завадский, балетмейстер Голейзовский, Семенова, Уланова, молодой Игорь Моисеев и многие другие. А Майю Плиссекую я помню с самого юного возраста...

Кстати говоря, мать моя была первым директором дома отдыха ГАБТа, а в 36-м директором назначили отца. И при нем дом отдыха расцвел, хотя в 36-м была лютая засуха. Но отец проявил себя как великолепный хозяйственник и администратор, знал и любил сельское хозяйство. В 37-м при отце в доме отдыха разве что

птичьего молока не хватало, и был коммунистический принцип распределения по потребностям. Тем не менее безмозглые люди, которые сидели в администрации дома отдыха и хозяйственной администрации ГАБТа, добились ареста отца и мамы. Их целью было ликвидировать музей и его помещения использовать под свои нужды...

— ГАБТ, оказывается, уже тогда отличался... интригами. И как же ваши родители? Что с ними было, бедными?..

— Отец вернулся в 45-м из лагеря, где переболел всеми болезнями. Еле ноги передвигал... Но могучая натура (порода!) спасла отца, и он добрался до родного дома. А немного раньше возвратилась мать. Их с отцом еще в 37-м разлучили на котласской пересылке. И мама долго еще, вернувшись, ложилась спать одетой в тюремный бушлат, платок и валенки на полу перед камином — боялась, вдруг опять нагрянет неожиданный ночной арест и она не успеет одеться...

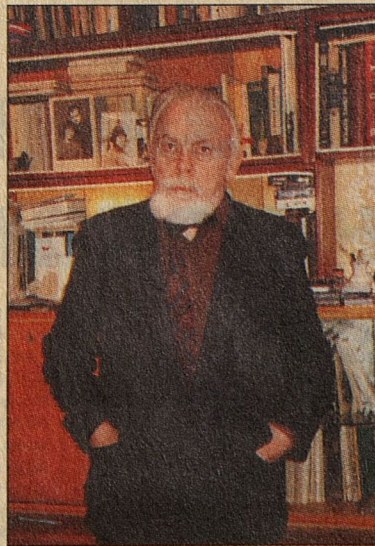
Только в 56-м, в хрущевские времена, родителей реабилитировали за отсутствием состава преступления, но их здоровье, их судьбы были подорваны основательно... И наступил момент, когда отец обратился ко мне с такой же просьбой, с какой когда-то к нему обращался дед: «У тебя своя служба, свои интересы и перспективы, но если придется расстаться с флотом, приезжай, пожалуйста, сюда, чтобы мне глаза закрыть и чтобы дело, завещанное мне моим отцом, не пропало...»

Многого мне удалось добиться еще при жизни отца — он умер в 67-м, а мама — в 59-м... Первое и главное, что было сделано, — это из областного подчинения перейти в республиканское. Это был действительно переломный момент в истории и судьбе музея. С этого момента и началось становление музея, обретение независимости и последующее преобразование в заповедник.

— Федор Дмитриевич, а кем стали ваши дети? Помогают ли они в обширном музейном деле?

— Наташа окончила МГУ, ее специальность — социолог. Есть журналистские способности. Хорошо знает французский. Сейчас занимается еще и английским. Много внимания и любви уделяет детям — Васе и Наташе. Думаю, что из нее получится перспективный музейный сотрудник. А ее муж Дима, окончивший с отличием историко-архивный институт, сейчас работает в Москве по специальности, но каждую неделю, по выходным, ездит в Поленово — ведет компьютерный класс при музее. И не только для школьников, но и для всех желающих. И музей компьютеризировал. Уверен, что со временем и он станет хорошим музейщиком.

Сын Лев — по образованию физик-атомщик, работает в одном из московских технических журналов. Его жена Лена — программист-математик. Они часто

Хранитель родного очага Федор Поленов. Единственный «помещик» в советской России.

бывают в Поленове с детьми Аней и Ваней, и я очень надеюсь на их помощь и поддержку.

— Род Поленовых продолжается! Ведь не зря на вашем родовом гербе изображен поверженный грозой дуб, а точнее, оставшийся от нее расщепленный пенек, и молодая поросль из него снова устремляется к солнцу... Этот герб, кажется, украшает музейный камин?

— Камин в библиотеке, самой большой комнате музея, — это, можно сказать, явление общесемейное, творческое и почти одуховленное. Домашний очаг. Он уже как постоянный добрый член семьи, собиравший и согревавший Поленовых в длинные зимние вечера, «живой» свидетель семейных чтений, рисовальных и музыкальных занятий. Сделан по рисункам самого Василия Дмитриевича, как, впрочем, и вся мебель, лестница и многое другое в доме. С участием сестры деда — художницы Елены Дмитриевны, а также художницы Марии Васильевны Якуниной, сестры бабушки. А построен камин из местного тарусского известняка и украшен вазами гончарного завода Мамонтова.

— А елки для местных ребятишек по-прежнему устраиваются, как это было при Василии Дмитриевиче?

— Именно здесь, в библиотеке, украшенной богатой коллекцией западноевропейской и русской живописи, вот уже второй век устраиваются и рождественские елки, и театральные постановки для деревенских ребят — все так, как было при деде. Вообще, все стараемся сохранить, как было при деде. И названия всех комнат, как он их именовал: столовая, портретная, библиотека, кабинет... И саму атмосферу... Вырастая, можно сказать, в музее, многие выпускники местных школ приходят сюда работать. Часто приезжают и ученики московской школы №12, построенной в районе бывшего «московского двора», воспетого Василием Дмитриевичем в известной картине. Они у нас проходят производственную практику — помогают в реставрационных работах, водят экскурсии...

Фото автора.